

Эскизы.

Сегодня — день печали для всех, кто любит театральное искусство, сегодня день памяти одной из его прекраснейших представительниц, Вѣры Федоровны Коммиссаржевской. Ровно годъ назадъ, 10-го февраля 1910 г., смерть безжалостно оборвала яркую жизнь. И сегодня какъ то особенно четко всплываютъ эти горькія воспоминанія: далекій Ташкентъ, послѣдній этапъ сценической дѣятельности... страшная болѣзнь... мучительныя страданія и... роковой конецъ, показавшійся всѣмъ такой вопіющей несправедливостью. Извѣстіе объ ея кончинѣ потому такъ больно рѣзнуло по сердцу, что обаяніе, которое производила на всѣхъ Коммиссаржевская, зависѣло не только отъ того, что она была прекрасной артисткой, но, можетъ быть, и еще больше отъ того, что въ ней слишкомъ ярко чувствовался человекъ, въ лучшемъ значеніи этого слова.

Чѣмъ больше я думаю о глубокой симпатіи, вызывавшейся покойной артисткой, тѣмъ опредѣленнѣе возникаетъ мысль, что секретъ ея обаянія коренился въ одномъ, совершенно особенномъ обстоятельстве. Очень возможно, что живи она лѣтъ 20—25 тому назадъ, въ пору всеобщей апатіи, заглушенныхъ страстей и угнетенія духа, отнюдь въ облака не взвивавшагося, Коммиссаржевская не произвела бы такого сильнаго впечатлѣнія. Но расцвѣтъ ея таланта и широкой театральной дѣятельности совпалъ съ повсемѣстнымъ оживленіемъ духа и пробужденіемъ общественной самосознательности, временемъ, когда передъ умственнымъ взоромъ каждого гражданина носятся таинственно-прекрасныя образы, въ душѣ возникаютъ мечты одна радужнѣе другой, идеалъ, кажущійся тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ онъ труднѣе достижимъ, становится на мѣсто вчера еще только царствовавшихъ заботъ о мелкихъ эгоистическихъ и пошлыхъ надобностяхъ сегодняшняго дня. Вырастаютъ невидимыя крылья, и всякій готовъ летѣть... куда, онъ часто самъ того не знаетъ, все равно, куда, лишь бы летѣть, лишь бы не барахтаться въ гниломъ, стоячемъ болотѣ, пахнущемъ тиной... И если вникнуть хорошенько въ то, что изображала своей игрой Коммиссаржевская, станетъ понятно, что всегда и вездѣ было одно и то же содержаніе: потребность летѣть, вездѣ рисовался какой-то смутный идеалъ и тоска, страстная тоска по нему, всюду сквозилъ протестъ противъ обетшавшихъ, изжитыхъ прописныхъ истинъ и назрѣвало пламенное желаніе новой земли и новаго неба. Мятель души, никогда не знающей покоя, выдвигался на первый планъ. Что же удивительнаго, если въ пору, когда почти у всякаго поднимался свой мятель души, направлявшійся самыми разнообразными путями, Коммиссаржевская черезъ свое искусство становилась всѣмъ такой близкой, понятной, родной! А до какой степени ея духъ былъ въ вѣчномъ движеніи и вся она удовлетворяла собою постоянное внутреннее безпокойство, теперь стало особенно яснымъ, благодаря только что выпущенному въ свѣтъ „Сборнику памяти В. Ф. Коммиссаржевской“. Тамъ въ числѣ прочихъ матеріаловъ помѣщенъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ ея писемъ, собранныхъ артистомъ Бравичемъ. И такимъ образомъ все, что раньше могло намъ только казаться правдивымъ по отношенію къ особенностямъ души Коммиссаржевской, объяснявшимъ многое въ ея личной дѣятельности, получаетъ теперь вполне реальное подтвержденіе.

Въ одномъ письмѣ она пишетъ:

... „Что бы я ни переживала, для меня нѣтъ счастья, потому что разъ моя душа найдетъ удовлетвореніе — ея уже не будетъ, я буду уже не я“.

Какъ это характерно и до чего точно отвѣчаетъ дѣйствительности! Потому что именно во всемъ, что дѣлала Коммиссаржевская, видно постоянное стремленіе все дальше и дальше. Покой былъ ей чуждъ. Гдѣ покой, тамъ, значитъ, всего достигъ, получилъ удовлетвореніе и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы отошелъ отъ своего „я“, измѣнилъ внутреннему голосу, раздававшемуся гдѣ-то далеко-далеко въ самыхъ тайникахъ души. Насколько это представлялся Коммиссаржевской совершенно недопусти-

мымъ, видно изъ того, что она пишетъ:

... „Силу воли надо на одно: заставить себя нигдѣ, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнять внутреннему голосу и повиноваться ему слѣпо, не боясь показаться ни смѣшнымъ, ни глупымъ, относясь совершенно равнодушно, что о тебѣ подумаютъ или скажутъ“.

Въ этомъ сказывается чисто идеалистическое отношеніе къ жизни вполне непосредственной натуры. И посмотрите, до чего же здѣсь мало практичности, до чего совершенно не приходятъ въ голову различныя соображенія выгоды. Этотъ внутренний голосъ ни на одну минуту не допускаетъ возможности поступить какъ-нибудь такъ, чтобы, главное, чувствовать себя спокойной. Все, только не это! Отсюда понятны всѣ изгибы дѣятельности Коммиссаржевской. Вѣдь, ужъ, кажется, не на что было пожаловаться въ ходѣ дѣла ея театра, пока онъ процвѣталъ въ Пассажѣ. Все имѣлось: успѣхъ, слава, сборы, самыя серьезныя и прочныя симпатіи. Ея дѣло было провозглашено наиболѣе интереснымъ и культурнымъ во всемъ Петербур-

гѣ. Казалось бы, оставалось только жить да радоваться. Такъ нѣтъ же! Все это не удовлетворяетъ, артистка принимается жадно искать новыхъ формъ и, уже укрѣпившись въ рѣшеніи совершенно разрушить тѣ кумиры, которымъ всю жизнь поклонялась, пишетъ: „малѣйшее отступленіе во имя чего бы то ни было подрываетъ прежде всего вѣру въ себя и у другихъ — въ насъ, а отсюда быстрая, иногда медленная, но всегда неизбежная гибель“. И мы видѣли, что она не отступала, что въ сотрудничествѣ съ Мейерхольдомъ создала совершенно новый театръ, гдѣ все было спорно, противорѣчиво, смутно и въ то же время до того смѣло, до того проникнуто слѣпой вѣрой въ истину новаго пути, что теперь, когда все уже миновало, прошло много времени, склоняешься съ благоговѣніемъ передъ той нравственной силой, съ какой велось предпріятіе, поражаешься той безпредѣльностью жертвы, какую принесла Коммиссаржевская, порвавъ со всѣми традиціями прежней сцены. А потомъ, когда и тутъ не получилось удовлетворенія, когда стало ясно, что идти дальше по тому же пути невозможно, но нѣтъ возврата и къ старымъ формамъ, какъ же поступаетъ Коммиссаржевская? Она опять слѣдуетъ только приказу внутреннего голоса, который диктуетъ ей знаменитое письмо (воспроизведенное въ „Сборникѣ“ fac-simile): „По окончаніи этой поѣздки я ухожу совсѣмъ изъ театра. Надолго-ли, навсегда-ли — зависѣтъ это будетъ не отъ меня. Я ухожу потому, что театръ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ сейчасъ, пересталъ мнѣ казаться нужнымъ, и путь, которымъ я шла въ исканіяхъ новыхъ формъ, пересталъ мнѣ казаться вѣрнымъ“.

И готовилась она покинуть сцену не съ разбитымъ сердцемъ, не съ усталой и ожесточенной душой, но, напротивъ, вся радостная, спокойная, вѣрующая въ торжество красоты, въ то, что когда-нибудь раскроется та сущность новаго искусства, которой она искала вмѣстѣ со всѣми: намѣтила себѣ новую идеальную мечту — созданіе театральной школы на совершенно новыхъ началахъ, и въ грезахъ своихъ рисовала себѣ яркими прекрасными красками осуществленіе этой мечты. Но, увы!.. не суждено было!..

Совершенно вѣрно говорить артистѣ Бравичъ въ предисловіи къ отрывкамъ изъ писемъ Коммиссаржевской, что за ними „вездѣ видится совсѣмъ ожившей ея мятущаяся, вѣчно ищущая, вѣчно сомнѣвающаяся и вѣчно недовольная собою душа“. И во всемъ, что она дѣлала, просвѣчивала та же душа. А съ другой стороны, она, несомнѣнно, была очень цѣльной и непосредственной натурой, неспособной на компромисы ни съ окружающими, ни съ собственнымъ „я“. Въ наше время, когда компромисъ всякаго рода сдѣлался чѣмъ то въ родѣ моральнаго предмета первой необходимости, подобныя натуры крайне рѣдки и въ этомъ качествѣ импонируютъ, возбуждаютъ всеобщее вниманіе и неотразимо дѣйствуютъ на воображеніе. Вотъ почему такъ грустно, что Коммиссаржевской нѣтъ больше съ нами. Въ ней было нѣчто отъ чистаго идеализма, и это безконечно поддерживало на всѣхъ путяхъ, потому что идеализмъ дѣйствуетъ на душу, какъ самое лучшее нравственное дѣйство. Этотъ идеализмъ безгранично расширилъ кругъ обаянія, производимаго Коммиссаржевской, поставивъ ее передъ нашими глазами, не какъ артистку только, пусть и очень талантливую, но и какъ личность крайне своеобразную, изливающую на всѣхъ насъ благодатный свѣтъ лучшихъ

сторонъ своей прекрасной души. И нѣтъ почему-то кажется, что на всемъ безконечномъ просторѣ Русской земли Коммиссаржевская въ полномъ объемѣ своей личности — единственная достойная героиня большого художественнаго романа въ стилѣ Тургенева, который потому только еще не написанъ, что его... некому написать. А въ отношеніи къ своему искусству Коммиссаржевская была жрицей чистой, какъ дѣвы, поддерживавшій вѣчный огонь въ храмѣ Весты. Ничто меркантильное, пошлѣе, низкое не могло ея коснуться, ни къ какимъ недостойнымъ цѣлямъ для собственнаго возвеличенія она никогда не прибѣгала да и не могла прибѣгать просто уже потому, что для этого, прежде всего, надо было совершенно увѣреннымъ въ своихъ силахъ, въ томъ, что ты, и только ты, составляешь центръ вселенной, вокругъ котораго все вращается... Не знаю, послужить-ли кому-нибудь примѣромъ то, какъ Коммиссаржевская относилась къ служенію искусству и сколько истинной красоты въ него вкладывала...

Пусть же память о ней — свѣтлой, истой, прекрасной — всегда живетъ реди насъ!..

Зигфридъ.

147
129